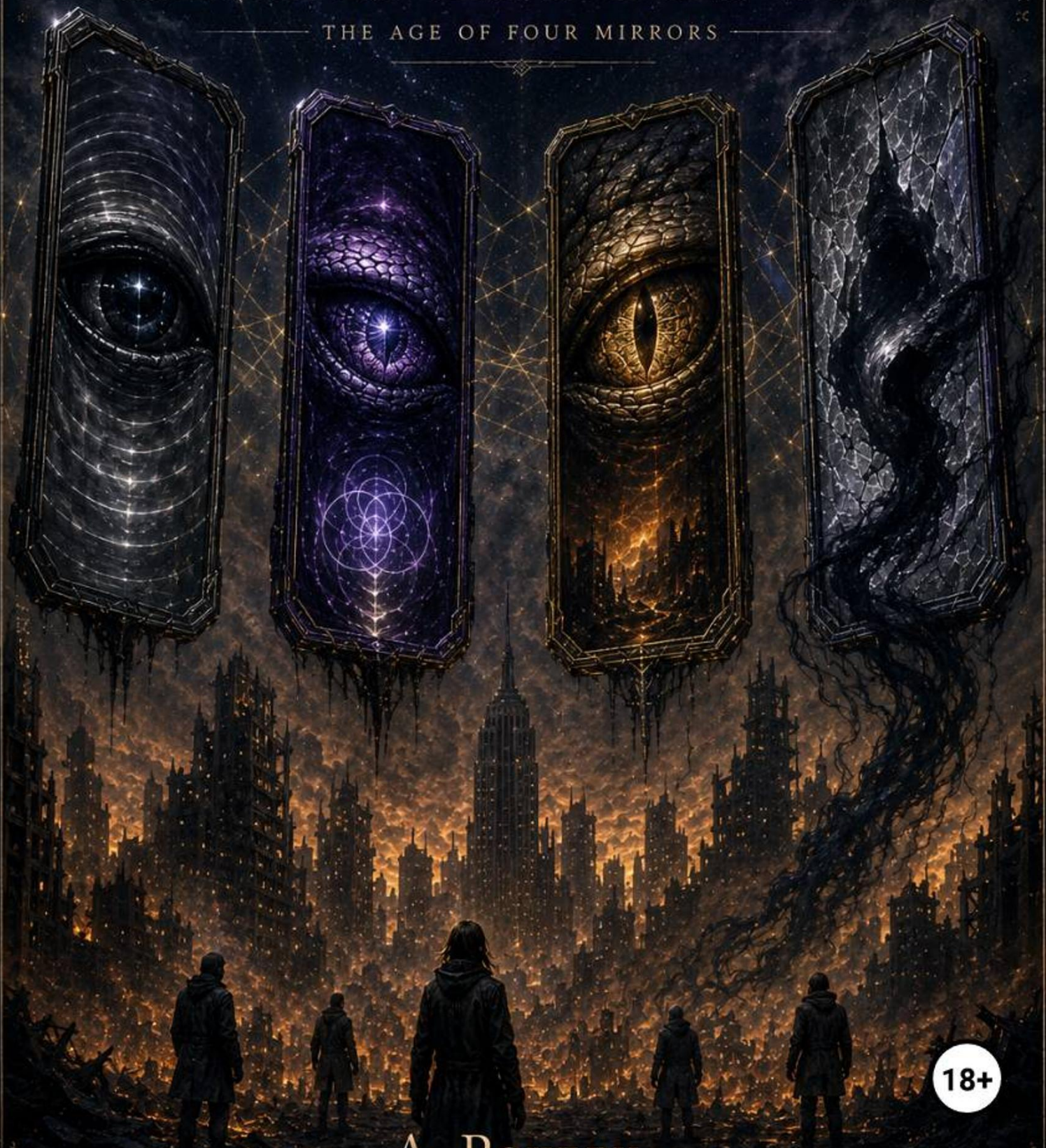

ЭПОХА ЧЕТЫРЁХ ЗЕРКАЛ

ЭПОХА ЧЕТЫРЁХ ЗЕРКАЛ

ЭПОХА ЧЕТЫРЁХ ЗЕРКАЛ

THE AGE OF FOUR MIRRORS

18+

А. РОУДЕН

А. Роуден

Эпоха четырех зеркал

«Автор»

2026

Роуден А.

Эпоха четырех зеркал / А. Роуден — «Автор», 2026

2026 год. Земля задыхается в климатических войнах. Но человечество перестало бояться ада — оно в нем живет. Когда NASA запускает протокол «Стеклянный дом», поэтапно публикуя доказательства присутствия внеземных цивилизаций, мир реагирует не паникой, а странной, циничной апатией. Доктор Майя Ковальски, нейробиолог, привлеченная к расшифровке когнитивных паттернов пришельцев, обнаруживает страшную закономерность: четыре вида инопланетян, описанные в отчетах (Нордики, Серые, Рептилоиды и «Фантомы»), — не гости. Они — операторы эксперимента под названием «Земля». Они всегда жили среди нас. Они носили лица наших президентов, наших возлюбленных и наших врагов. И теперь, когда занавес сорван, Майя должна решить: является ли глобальный хаос триумфом человеческой свободы или провалом эксперимента, который пора закрыть.

© Роуден А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Пролог: Четвертый вид	6
Часть I. СТЕКЛЯННЫЙ ДОМ. Этап раскрытия 1: Признание существования. Глава 1. Год, когда небо перестало падать	9
Глава 2. Протокол «Синий свет»	12
Интерлюдия I. Стенограмма Объединённого командного пункта, Розуэлл, 8 июля 1947 года	17
Глава 3. Лаборатория с видом на апокалипсис	20
Глава 4. Серые кардиналы эволюции	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

А. Роуден

Эпоха четырех зеркал

Глава

Пролог: Четвертый вид

Документ NASA // Этап 3 // «Биологическое разнообразие»

Дата публикации: 1 апреля 2026 года

Гриф: «Для открытого доступа — без ограничений»

Локация: Официальный портал NASA.gov, зеркальный сервер в Женеве, двенадцать резервных нод в даркнете.

В то утро мир проснулся под привычный аккомпанемент сирен воздушной тревоги, предупреждавших на этот раз не о ракетах, а о токсичном смоге. Шкала тревожности на главных новостных агрегаторах — та, что обычно ползла в красную зону из-за таяния ледников или продовольственных бунтов, — даже не шелохнулась, когда в девять часов утра по восточному побережью сайт Национального управления по авиации обновился. А ведь именно в этот момент рухнула последняя дверь в известную нам картину мироздания.

Третий пакет данных был озаглавлен сухо, почти бюрократично: «О таксономии нечеловеческого разума». Однако содержание напоминало не научный доклад, а фрагмент запретного средневекового bestiaria, чудом просочившийся в век квантовых сетей. Пока остатки правительств спорили, кто виноват в утечке, пока Fox News запускал экстренный выпуск с дрожащей голограммой ведущего, обычный житель Мумбаи, Мехико или Лондона читал этот текст на экране своего коммуникатора, стоя в очереди за очищенной водой, и чувствовал не ужас, а странную, пугающую пустоту. Оказалось, что шок — это ресурс, который за последние десять лет мы полностью исчерпали.

Ниже приведен полный текст того самого пресс-релиза. Он сохранен здесь без редактуры, с сохранением оригинальной стилистики, которая балансирует на грани между академическим протоколом и откровением Апокалипсиса.

ОФИЦИАЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ ДЛЯ ПРЕССЫ

Человечество вступает в фазу когнитивной зрелости. После семидесяти лет наблюдений, сбора артефактов и анализа биологического материала, Национальное управление по авиации и исследованию космического пространства (NASA) совместно с Объединенным комитетом начальников штабов и «Синей книгой» (архивный гриф) подтверждает существование на планете Земля как минимум четырех доминирующих морфотипов нечеловеческого интеллекта.

Мы призываем гражданское население воздержаться от паники. Паника является их ресурсом.

Тип 1: Серые (Грейсы)

Внешние признаки: Гуманоидный силуэт ростом от 120 до 150 сантиметров. Гипертрофированная черепная коробка, отсутствие внешних ушных раковин, рудиментарные носовые и ротовые отверстия. Глаза крупные, миндалевидные, с черной линзой, защищающей сетчатку от ультрафиолета и, предположительно, служащей интерфейсом для передачи визуальных данных. Кожа серая, текстура напоминает полимерную пленку, не имеет потовых желез.

Поведенческая модель: Вопреки поп-культурному образу «похитителей», Серые не проявляют ни агрессии, ни эмпатии. Это биологические вычислительные машины. На протяжении десятилетий мы ошибочно интерпретировали их действия как враждебные медицинские эксперименты. Анализ образцов тканей и данные дистанционной энцефалографии говорят об обратном: они не чувствуют. Эмоция для них — шум. Их роль — кураторы. Они осуществляют менеджмент генетического банка Земли. Каждый случай так называемой «абдукции» является актом сбора контрольных образцов биомассы перед очередным витком вымирания. Они архивируют нас.

Предполагаемое происхождение: Внешнее. Зета Сетки — основная гипотеза.

Тип 2: Нордики (Высокие белые)

Внешние признаки: Внешне идентичны представителям европеоидной расы скандинавского типа. Рост выше среднего (от 180 до 220 см). Атлетическое телосложение, светлые волосы, голубые или фиолетовые глаза, смещенный в ультрафиолетовый спектр пигмент радужки. Отличительная черта — нечеловеческая симметрия лица и отсутствие временных изменений (старения). Свидетели описывают их присутствие как «ощущение спокойствия и благоговения».

Поведенческая модель: Нордики не являются пришельцами в прямом смысле слова. Геологический анализ кернов и образцы осадочных пород, предоставленные партнерами из МО, указывают на то, что их цивилизация является параллельной ветвью эволюции приматов, ушедшей в глубоководные и подземные убежища во время климатических катаклизмов позднего Плейстоцена. Они — земляне, просто старше нас на несколько сотен тысяч лет.

Они неоднократно выходили на контакт с человеческими сообществами, что зафиксировано в мифологии как появление «ангелов», «богов» или «эльфов». Их вмешательство в нашу историю прекратилось примерно в эпоху Средневековья после серии инцидентов, связанных с агрессией и религиозным фанатизмом людей. В настоящее время они занимают позицию строгого наблюдателя. Их главный интерес — сохранение гидросферы и магнитного поля планеты.

Статус: Неагрессивны. Контакт разорван по инициативе Нордики. Они игнорируют наши сигналы с 1942 года.

Тип 3: Рептилоиды (Гуманоиды-заврианцы)

Внешние признаки: Рост 160–190 см в выпрямленном положении. Тело покрыто роговыми пластинами, способными менять пигментацию в зависимости от электромагнитного фона. Зрачок вертикальный, с двойным веком. Конечности заканчиваются пятипалыми конечностями с когтевыми фалангами, которые, однако, легко скрываются под биопротезами высочайшего уровня. Мышечная структура обеспечивает силу, в 3–4 раза превышающую человеческую.

Поведенческая модель: Согласно полученным данным, этот вид является коренным для Земли. Эра их доминирования прервалась с падением астероида Чиксулуб, но цивилизация не погибла, а мигрировала в подземные полости и зоны термальных источников. С появлением Homo Sapiens Рептилоиды выбрали мимикрию. Благодаря способности к изменению пигментации и созданию биологических оболочек (human suits), они инфильтрировались в наше общество на самых ранних этапах.

Говоря прямо: они контролируют ресурсы. Их интересует не власть над людьми как таковая, а геотерриториальный менеджмент. Они — «квартирные хозяева». Наш технологический прогресс в области добычи ископаемых и ядерной энергетики воспринимается ими как акт вандализма арендаторов. Сейчас они находятся в стадии острого конфликта интересов с военно-политическими элитами.

Предупреждение: Не пытайтесь вступить в невербальный контакт (зрительный контакт «глаза в глаза») без дипломатической санкции. Вертикальный зрачок гипнотически подавляет волю млекопитающих.

Тип 4: [ДААННЫЕ УДАЛЕНЫ] или «Хищники духа»

Внешние признаки: Не имеют постоянной физической формы. Визуализируются как сгустки холодной плазмы, «орбы» или тени с нарушенной перспективой. Инфракрасные датчики фиксируют их как зону отрицательной температуры. Электромагнитный профиль — импульсный, низкочастотный.

Поведенческая модель: Это самый опасный и наименее изученный вид. Они не обладают биологическим телом в нашем понимании. Они — полевые формы жизни, питающиеся психоэмоциональной энергией, а именно: выбросами адреналина, кортизола и, главным образом, волнами осознанного **страха**.

Совпадение ли, что последние годы ознаменовались небывалым ростом хаоса? Мы утверждаем: нет. Фантомы не провоцируют войны напрямую, но они слетаются на них, как акулы на запах крови. Они живут в атмосфере насилия. Данные наших спектрометров показывают критическую плотность этих сущностей над зонами активных боевых действий и стихийных бедствий.

Они здесь. Прямо сейчас. Чем больше вы боитесь, тем сильнее они становятся. Сам факт прочтения этого текста вызывает у вас микро-выброс тревоги, который служит им слабым, но ощутимым источником питания.

Примечание Комитета по безопасности: Мы осознаем парадоксальность публикации этого пункта. Нас предупреждали, что знание о Фантамах усиливает страх, а значит, и самих Фантомов. Однако молчание перестало быть возможным. Мы обязаны предупредить вас: они среди нас. И они голодны.

Конец официального сообщения.

Когда Майя Ковальски дочитала эту стенограмму впервые, сидя в своем задымленном офисе на Манхэттене, она не почувствовала страха. Она почувствовала холод узнавания. Где-то на периферии зрения, в углу комнаты, где не было окон, ей показалось, что тень сгустилась чуть сильнее обычного, словно нечто бестелесное склонилось над ее плечом и заглянуло в монитор.

«Четвертый вид, — подумала она, закуривая сигарету, запрещенную в этом году экологическим указом. — Значит, вот кто дирижирует этим оркестром».

В этот момент она поняла: истинный ужас не в том, что правительства скрывали правду. Ужас в том, что теперь, когда ее раскрыли, менять что-либо уже поздно. Спектакль под названием «Цивилизация» подошел к финальному акту, и зрители в зале — те самые четверо — начали требовать еды.

Часть I. СТЕКЛЯННЫЙ ДОМ. Этап раскрытия 1: Признание существования.

Глава 1. Год, когда небо перестало падать

Нью-Йорк, 1 апреля 2026 года, 09:47 по восточному времени.

В то утро небо над Манхэттеном действительно напоминало старый бинт — желтовато-серое, волокнистое, пропитанное дымом канадских пожаров, которые не утихали третий месяц. Солнце пыталось пробиться сквозь эту пелену, но лишь обозначало себя тусклым сиянием где-то над Бруклинским мостом, не давая теней, не давая надежды. Город внизу жил в ритме испуганного, но привычного муравейника: люди в масках с угольными фильтрами спешили к офисам, где генераторы воздуха работали чуть лучше, чем в жилых кварталах; бездомные, чьи легкие уже адаптировались к любой химии, рылись в мусорных контейнерах в поисках просроченных кислородных баллончиков; а над всем этим, сменяя друг друга, плыли голограммы новостей.

Доктор Майя Ковальски стояла у панорамного окна своей лаборатории на 44-м этаже и курила. Это было незаконно — и с точки зрения экологического кодекса, и с точки зрения правил пожарной безопасности в здании, напичканном нейровизуализационным оборудованием, — но ей было плевать. Она смотрела, как оранжевое море скрывает статую Свободы, и думала о том, что когда-то, в далеком детстве, небо было синим. Просто синим, без примесей, без апокалиптических оттенков. Тогда люди боялись, что оно упадет им на голову — в виде астероида, в виде ядерных боеголовок, в виде тарелок с серыми человечками.

Теперь небо само стало врагом. Оно душило, жгло кислотными дождями, насылало тайфуны такой силы, что карты побережий приходилось перерисовывать каждый сезон. И в этом новом мире новость о том, что где-то там, за пеленой смога, прячутся инопланетные цивилизации, не вызвала ничего, кроме кривой усмешки.

Майя затушила сигарету о край жестяной банки, которая служила ей пепельницей, и вернулась к своему столу. На мониторе все еще висел открытый пресс-релиз NASA — тот самый, третий пакет, озаглавленный «О таксономии нечеловеческого разума». Она перечитала его уже трижды, и каждый раз ее мозг, заточенный на анализ нейробиологических паттернов, отмечал одно и то же: язык документа был намеренно сухим, почти канцелярским, но между строк сквозила паника. Нет, не паника — отчаяние. Кто-то в недрах NASA, обладающий доступом к информации, которую семьдесят лет хоронили под грифом «Совершенно секретно», вдруг решил вывалить все наружу. И не в уютные девяностые, когда мир еще мог себе позволить истерику по поводу Розуэлла, а сейчас, когда человечество стоит на коленях, задыхаясь в собственных отходах.

«Серые, Нордики, Рептилоиды... — пробормотала она, скользя взглядом по строчкам. — И еще какие-то бестелесные твари, питающиеся страхом. Господи, какая пошлость. Они что, сценарий дешевого комикса украли?»

Но даже произнося это вслух, она знала: это не комикс. В глубине души, где живет иррациональный, древний страх млекопитающего перед темнотой, что-то холодное и липкое согласно кивало. Потому что были сны. У нее, у ее коллег, у миллионов людей по всему миру — однотипные сны о миндалевидных глазах, которые смотрят без эмоций, и о высоких светловолосых фигурах, стоящих на берегу черного океана. Массовые галлюцинации? Эпидемия психического расстройства, спровоцированная экологическим коллапсом? Или что-то иное?

Ее размышления прервал звук уведомления. На голографической панели, встроенной в край стола, высветилось сообщение с пометкой «Срочно, отправитель неизвестен». Никаких идентификаторов, только строка текста: «Доктор Ковальски, ваши работы по нейробиологии

коллективного страха привлекли внимание определенных кругов. Мы хотели бы предложить вам участие в проекте, связанном с недавней публикацией NASA. Ответьте, если готовы узнать больше. Подпись: Куратор».

Майя усмехнулась. «Куратор». Безликий, пафосный псевдоним. Такие обычно используют люди из теневых правительственных структур, которые считают себя героями шпионского романа. Она уже собиралась удалить сообщение, приняв его за чью-то глупую шутку, но что-то ее остановило. Слишком точное совпадение. Она действительно последние три года занималась именно этим — изучением того, как страх распространяется в популяции, как он меняет нейронные связи, как превращает общество в стадо. Ее последняя статья, опубликованная в Nature Neuroscience еще до того, как журнал перешел на подпольное существование из-за цензуры военного времени, называлась «Коллективное эмоциональное выгорание как адаптивный механизм выживания в условиях поликризиса». И вот теперь кто-то, назвавшийся Куратором, предлагает ей применить эти знания к инопланетянам.

Она подошла к кофеварке, которая пыхла в углу, и налила себе кружку синтетического эрзаца, пахнувшего жженой резиной. Сделала глоток, поморщилась и села обратно. За окном пронеслась очередная голограмма новостей — на этот раз CNN с заголовком: «Администрация просит граждан не пытаться вступить в контакт с морфотипом "Рептилия" без санкции ООН». Майя невольно хмыкнула. Администрация просит... Словно у людей есть время и желание искать рептилоидов. Большинство сейчас озабочено тем, где достать чистую воду и не попасть под очередной погром в супермаркете.

Но где-то внутри, под слоями цинизма и профессиональной усталости, начинал разгораться интерес. Не тот восторженный, детский интерес к тайнам космоса, а холодный, клинический азарт исследователя, который наткнулся на неизвестный науке вид. Она еще раз взглянула на пресс-релиз. Четыре вида. Четыре совершенно разных типа сознания — если предположить, что все написанное правда. Серые — логические машины, лишённые эмоций. Нордики — эмпаты, ушедшие от человечества из-за его жестокости. Рептилоиды — территориальные хищники с вертикальным зрачком. И, наконец, Фантомы — вообще бестелесные сущности, питающиеся страхом. Если эта классификация верна, то Земля — не просто планета, а терра-риум с четырьмя разными хищниками и одним видом добычи. Добыча — это мы.

«Допустим, — подумала Майя, вертя в руках кружку. — Допустим, это правда. Тогда весь наш хаос, все войны и катастрофы последних лет — это не просто стечение обстоятельств. Это кормовая база. Мы — ферма. А они — фермеры».

Ей стало холодно. Она встала и подошла к окну. Внизу, на уровне двадцатого этажа, проплывала очередная новостная голограмма — на этот раз Fox News. Ведущий, чье лицо было искажено помехами, что-то кричал, размахивая руками, а за его спиной мелькали кадры: размытые фигуры, выходящие из океана; инфракрасная съемка, на которой человеческие силуэты подсвечивались аномальным холодом; архивная запись 1952 года, где над Капитолием кружили огни, которые пилоты-истребители так и не смогли догнать.

«Чего они хотят?» — спросила она вслух, не ожидая ответа. Но ответ, странным образом, уже зрел в ее голове. Если верить тексту NASA, цели у всех разные. Серые собирают генетический материал, как семена перед зимой. Рептилоиды защищают территорию. Нордики наблюдают и не вмешиваются. А Фантомы... Фантомы просто жрут. И если их действительно питает страх, то человечество в 2026 году — это шведский стол, ломящийся от яств.

Она вернулась к столу и, поколебавшись мгновение, набрала короткий ответ на сообщение Куратора: «Я слушаю. Что вам нужно?»

Ответ пришел почти мгновенно, словно кто-то ждал этого с той стороны. На этот раз это была не текстовая строка, а голосовое сообщение. Голос был спокойный, низкий, с легким акцентом, который Майя не смогла распознать:

«Доктор Ковальски, рад, что вы откликнулись. Меня зовут Куратор. Я представляю проект "Стеклянный дом". Мы не правительство, но правительство дало нам карт-бланш. Вы нужны нам не как вербовщик или политик. Вы нужны как нейробиолог, который понимает, как работает страх. Потому что страх — это их топливо. И если мы хотим выжить, мы должны понять, как его отключить. Завтра в 8:00 у вашего здания будет автомобиль. Приходите — или удалите это сообщение и забудьте о нашем разговоре. Выбор за вами».

Майя сглотнула. Голос звучал убедительно, но не давил. В нем не было ни угрозы, ни лести — только деловитость, словно он приглашал ее не на секретный проект по контакту с пришельцами, а на рутинную конференцию. И это пугало больше всего. Потому что именно так говорят люди, которые действительно знают правду. Которым не нужно ничего доказывать.

Она выключила монитор и подошла к окну. Внизу, на улице, зажглись первые вечерние огни — желтые, тусклые, пробивающиеся сквозь смог. Где-то далеко, на другом конце города, завывла сирена воздушной тревоги, но никто уже не вздрагивал. Небо перестало падать. Оно просто стало еще одним врагом в длинном списке врагов человечества. И теперь к этому списку добавились те, кто, возможно, был здесь всегда.

«А ведь когда-то я боялась астероида, — подумала Майя, машинально закуривая новую сигарету. — Глупая детская фобия. Оказывается, апокалипсис — это не удар из космоса. Это медленное, методичное удушение. И те, кто наблюдает за этим, просто ждут, когда блюдо дойдет до нужной кондиции».

Она докурила, бросила окурок в банку и, не раздеваясь, легла на старый диван в углу лаборатории. Где-то на периферии сознания, прежде чем провалиться в сон, она успела подумать: «Завтра я сяду в эту машину. И тогда пути назад уже не будет».

За окном, в сгущающейся тьме, что-то мелькнуло — едва заметная тень, скользнувшая между дымных облаков. Возможно, птица. Возможно, дрон. А возможно, один из тех, о ком она читала час назад. Но Майя этого уже не видела. Она спала, и ей снились миндалевидные глаза, смотрящие на нее с холодным, безошибочным интересом архивариуса, изучающего новый образец.

Так начинался проект «Стеклянный дом». Так начинался год, когда небо окончательно перестало быть символом высшей угрозы и превратилось в зеркало, в котором человечество увидело не себя, а тех, кто стоял за спиной все это время.

Глава 2. Протокол «Синий свет»

Нью-Йорк, 2 апреля 2026 года, 07:42.

Автомобиль оказался вовсе не черным правительственным внедорожником, как ожидала Майя. У подъезда ее лабораторного корпуса, утопая колесами в грязной апрельской слякоти, стоял старый электромобиль марки «Тесла» — модель, снятая с производства еще в начале двадцатых, матовая, без опознавательных знаков, с тонированными до полной непрозрачности стеклами. Задняя дверца бесшумно отъехала в сторону, приглашая внутрь. В салоне никого не было — ни водителя, ни охранника. Только холодный, чуть металлический запах озонированного воздуха и голос, прозвучавший из динамиков:

— Доброе утро, доктор Ковальски. Пристегните ремень. Поездка займет около сорока минут. Климат-контроль настроен на ваш биометрический профиль.

Майя помедлила секунду, оглядывая пустынную улицу. Утренний смог еще не достиг своего пика, и сквозь желтоватую дымку можно было различить редких прохожих — люди в масках, спешащие по своим делам, не подозревающие, что буквально вчера мир узнал о существовании четырех видов чужих. Или сделал вид, что узнал. Паники не было. Была та самая усталая, циничная апатия, которую она изучала в своей лаборатории последние три года. Человечество перестало удивляться. Это пугало больше, чем любые пришельцы.

Она села в салон, дверь мягко закрылась, и автомобиль тронулся с места — бесшумно, словно скользя над асфальтом на воздушной подушке. Маршрут высветился на тонированном стекле: они направлялись не в центр, не в аэропорт, а куда-то в сторону старого порта, в район, который после наводнения 2024 года был объявлен зоной отчуждения.

— Куда именно мы едем? — спросила Майя вслух, не ожидая ответа.

Но голос ответил:

— В «Аквариум». Так мы называем наш оперативный центр. Он расположен на глубине сорока метров под уровнем реки, в бывшем бункере береговой охраны. Вы в безопасности, доктор Ковальски.

«В безопасности», — мысленно повторила Майя, чувствуя, как по спине пробегает холодок. Она не чувствовала себя в безопасности. Она чувствовала себя мышью, которая добровольно заползла в нору к змее. Но любопытство — старая знакомая, та самая, что загнала ее когда-то в нейробиологию, а потом в область коллективных страхов, — пересиливало страх.

Автомобиль миновал несколько блокпостов, где голографические сканеры считывали номера и биометрию пассажиров, но ни один не остановил их. Видимо, у Куратора были полномочия, о которых простые смертные могли только догадываться. Затем началась зона отчуждения: брошенные дома с выбитыми окнами, улицы, заваленные ржавыми остовами машин, которые никто не удосужился эвакуировать после потопа. Вода ушла, но оставила после себя плесень и запах гнили. Где-то вдалеке, над руинами бывшего склада, кружила стая ворон — единственные живые существа, которых, казалось, этот апокалипсис не коснулся.

Внезапно автомобиль свернул в неприметный переулок и остановился перед глухой бетонной стеной. Часть стены бесшумно отъехала в сторону, открывая въезд в тускло освещенный туннель, уходящий круто вниз. Они начали спуск.

— Протокол «Синий свет» активирован, — произнес голос. — Пожалуйста, не пугайтесь. Сейчас вам предстоит пройти краткий курс... акклиматизации.

— Что за протокол? — Майя нахмурилась. — Вчера вы говорили только о «Стеклянном доме».

— «Синий свет» — это часть «Стеклянного дома». Его первый этап. Так мы называем процедуру раскрытия информации. Изначально, в 1952 году, так обозначили цвет свечения объектов, которые кружили над Капитолием. Позже термин перекочевал в документы. Сегодня

вы увидите то, что видели пилоты-перехватчики. И поймете, почему мы семьдесят лет молчали.

Туннель закончился просторным залом, залитым приглушенным синеватым светом. Именно синим — тем самым, холодным, неестественным, какой бывает у глубоководных организмов или у экранов старых мониторов в ночном режиме. Автомобиль остановился у платформы, где ее уже ждали двое: молчаливый охранник в черной форме без знаков различия и человек, которого она сразу узнала по голосу.

Куратор выглядел именно так, как она себе представляла, хотя и не могла объяснить почему. Высокий, абсолютно лысый, с чертами лица, которые можно было бы назвать красивыми, если бы не их неестественная симметрия — словно их рисовал художник, слишком увлекшийся математикой. Одет он был в простой серый костюм, без галстука, без каких-либо опознавательных знаков. Глаза — светло-голубые, почти бесцветные, и в них, как показалось Майе при первом взгляде, не отражался свет.

— Доктор Ковальски, — произнес он, слегка наклонив голову. — Благодарю, что приняли приглашение. Пройдемте. Времени мало, а информации много.

Она вышла из автомобиля, чувствуя легкое головокружение — то ли от перепада давления на такой глубине, то ли от нарастающего ощущения нереальности происходящего. Куратор жестом пригласил ее следовать за собой, и они двинулись по длинному коридору, стены которого были облицованы звукопоглощающими панелями. Где-то глубоко, на уровне подсознания, Майя отметила, что панели эти не только глушили шаги, но и, кажется, экранировали что-то еще — возможно, электромагнитные поля. Лабораторная привычка фиксировать детали сработала автоматически.

— Прежде чем мы начнем, — заговорил Куратор ровным, бесцветным тоном, — я должен задать вам один вопрос. Он не формальный. От вашего ответа зависит, пройдете ли вы дальше этого коридора.

— Слушаю.

— Как вы думаете, почему человечество так спокойно приняло вчерашнюю новость? Почему улицы не заполнились паникующими толпами, почему биржи не рухнули, почему религиозные культы не вышли с плакатами «Конец близок»?

Майя задумалась. Этот вопрос она задавала себе сама, еще сидя в лаборатории с кружкой эрзац-кофе. Она знала ответ — свой, профессиональный, выстраданный за годы работы с коллективными страхами.

— Потому что у нас закончился страх, — сказала она наконец. — Резервуар пуст. Страх — это ограниченный ресурс, как нефть или пресная вода. Последние десять лет мы выкачивали его без остановки. Пандемии, климатический коллапс, экономические кризисы, войны за воду, массовый голод. Люди приспособились к фону. Когда уровень тревожности держится на отметке «девять из десяти» годами, отметка «десять» перестает что-либо значить. Это нейробиологическая адаптация. Миндалевидное тело в мозге просто... выгорает.

Куратор остановился и впервые посмотрел на нее с чем-то похожим на интерес. Его глаза — холодные, нечеловечески спокойные — на мгновение блеснули.

— Именно так, — произнес он. — И вы сформулировали это точнее, чем любой из наших аналитиков. Именно поэтому вы здесь. Пройдемте.

Они вошли в просторный зал, напоминающий командный центр из фантастического фильма. Вдоль стен тянулись голографические панели, на которых мелькали карты, графики, фрагменты радиопередач на разных языках. В центре зала, на возвышении, располагался главный экран — огромный, изогнутый, в данный момент темный. Несколько человек в штатском, сидящих за терминалами, даже не обернулись при их появлении. Видимо, здесь работали люди, привыкшие не задавать лишних вопросов.

— Проект «Стеклянный дом» стартовал двадцать четвертого июня 1947 года, — начал Куратор, подходя к главному экрану. — В тот день, когда Кеннет Арнольд увидел девять странных объектов над Каскадными горами и ввел в обиход термин «летающая тарелка». Но это был не первый контакт. Это был первый зафиксированный инцидент в эпоху масс-медиа. Настоящий контакт состоялся гораздо раньше — но об этом позже. Сейчас я покажу вам, почему правительство Соединенных Штатов, а затем и все мировые правительства приняли решение молчать. Вы увидите протокол «Синий свет» в действии.

Он взмахнул рукой, и главный экран ожил. На нем появилась зернистая черно-белая запись, явно сделанная на киноплёнку в середине прошлого века. Ночное небо над Капитолием, освещенное прожекторами. И в этом небе — огни. Они двигались не хаотично, а по сложным, геометрически выверенным траекториям, замирая на долю секунды, а затем совершая маневры, невозможные для земной авиации.

— Девятнадцатое июля 1952 года, — прокомментировал Куратор. — Вашингтонская карусель. Эти объекты зависли над столицей Соединенных Штатов на глазах у сотен свидетелей. Их засекли радары. На перехват подняли истребители. Знаете, что произошло дальше?

Майя молча покачала головой. Она знала общую канву истории — огни над Вашингтоном были чуть ли не самым известным случаем НЛО, — но ей казалось, что сейчас она услышит нечто совсем иное.

— Когда пилоты приблизились, — продолжил Куратор, — их приборы вышли из строя. Все до единого. Но перед этим, за секунду до отказа, радар зафиксировал нечто необычное. Смотрите.

На экране сменилось изображение: теперь это была радиолокационная запись, снятая с одного из истребителей. Зеленый круг, пульсирующие метки. И вдруг — волна, расходящаяся от центрального объекта, словно камень упал в воду. Только это была не механическая волна. Это был импульс, частота которого была явно ниже порога человеческого слуха.

— Инфразвук, — сказала Майя, чувствуя, как пересыхает во рту. — Низкочастотные колебания.

— Именно. Частота 7 герц. Резонансная частота человеческого мозга. Когда этот импульс достиг пилотов, они испытали то, что в рапортах называли «парализующим ужасом». Не паника. Не страх смерти. Нечто более глубокое. Животный, архаический трепет, который заставил их развернуть машины и бежать, забыв о воинском долге. Они не могли объяснить причину. Один из пилотов, капитан Мэнсон, позже сказал в интервью: «Я не боялся, что они меня собьют. Я боялся, что они меня заметят».

Куратор остановил запись и повернулся к Майе. Его лицо было непроницаемым, но в голосе появился оттенок, которого она не слышала раньше, — возможно, уважение. Или тревога.

— После этого инцидента, — сказал он, — военное руководство США ввело протокол «Синий свет». Суть его проста: при обнаружении объектов, демонстрирующих нечеловеческие летные характеристики, вступать в прямой визуальный контакт запрещено. Приоритет — наблюдение, запись, отступление. Потому что страх, который они вызывали, был не просто эмоцией. Он был оружием. Или, если угодно, инструментом сбора данных. Мы поняли это далеко не сразу.

Майя нахмурилась.

— Инструментом сбора данных? Что это значит?

Куратор слегка улыбнулся — странной, асимметричной улыбкой, не затрагивающей глаз.

— Знаете, доктор Ковальски, когда вы пугаете мышь в лабиринте и измеряете уровень ее стресса, вы делаете это не из садизма. Вы собираете информацию о пределах адаптации. Серые, которые управляли теми объектами в 1952 году, не пытались нас уничтожить. Они тестировали

нас. Измеряли наш коллективный страх. Калибровали... оборудование. Вы — нейробиолог. Вы должны понимать, о чем я.

В зале повисла пауза. Майя переваривала услышанное, пытаясь совместить его с той таксономией, которую она читала в пресс-релизе NASA. Серые — архивариусы, сборщики генома. Но если так, то зачем им измерять страх? Ответ пришел сам собой, и от этого ответа ее пробрала дрожь.

— Не им, — прошептала она. — Страх нужен не Серым. Он нужен Четвертому виду. Тем, кого вы назвали «Хищниками духа».

Куратор кивнул.

— Вы очень быстро схватываете. Да. Серые — это сборщики. Они собирают биомассу, ДНК, нервную ткань. Но они также собирают и... психоэмоциональный материал. Для своих нанимателей. Или союзников. Кто кому служит — мы до сих пор не знаем точно. Но факт остается фактом: каждое массовое появление «тарелок» сопровождается выбросом низкочастотного излучения, которое провоцирует страх. И этот страх куда-то уходит. Словно его выкачивают.

Он жестом пригласил Майю следовать за собой к одному из терминалов. На экране пульсировала объемная диаграмма, похожая на модель нейронной сети, но в масштабе планеты. Тонкие линии соединяли узлы, отмеченные координатами и датами.

— Это модель глобальной ноосферы, — пояснил Куратор. — Мы построили ее на основе данных нейровизуализации миллионов людей, спутниковых измерений электромагнитного поля Земли и статистики коллективных эмоциональных выбросов. Красные зоны — всплески страха. Синие — области, куда этот страх утекает. Смотрите.

Он коснулся экрана, и временная шкала пришла в движение. Красные вспышки — теракты, объявления войны, природные катастрофы — вспыхивали и почти мгновенно гасли, словно кто-то высасывал их энергию. А синие зоны, наоборот, наливались глубоким, пульсирующим светом. И располагались они в самых неожиданных местах: под дном Марианской впадины, в толще антарктического льда, в центре Сахары.

— Это они, — тихо произнесла Майя. — Фантомы.

— Да. Они питаются страхом. И они здесь уже очень, очень давно. Возможно, дольше, чем человечество. Возможно, мы были созданы именно для этого — быть фермой по производству высококачественного, концентрированного страха. Когда вы пугаете мышь, вы должны сначала эту мышь вырастить.

Майя почувствовала, как к горлу подступает тошнота. Она видела много жестоких экспериментов в своей практике — нейробиология вообще не самая гуманная наука, — но услышать, что вся человеческая цивилизация может быть лабораторной культурой, оказалось неожиданно трудно.

— Вы сказали, что «Синий свет» — это протокол отступления, — произнесла она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Почему вы сейчас раскрываете информацию, если ваш протокол предписывает избегать контакта?

— Потому что протокол устарел, — ответил Куратор. — Он был разработан, когда мы думали, что имеем дело с пилотами и кораблями. Но теперь мы знаем, что корабли — это лишь вершина айсберга. Реальность такова: мы живем в стеклянном доме. За нами наблюдают постоянно. Каждая наша эмоция, каждый выброс кортизола, каждый акт насилия или любви — все это фиксируется и анализируется. Мы перестали быть хозяевами собственной планеты. Мы — экспонат в террариуме. И единственный способ разбить стекло — это понять, как мы устроены. Поэтому вы здесь, доктор Ковальски. Вы — нейробиолог. Вы знаете, как работает страх. Мы хотим, чтобы вы помогли нам его отключить.

Майя смотрела на голографическую модель ноосферы, на пульсирующие синие пятна, которые были кем-то, у кого нет тела, но есть аппетит, и чувствовала, как в ней самой заки-

пает эмоция, которая давно уже не посещала ее выгоревшее сознание. Это был не страх. Это была злость. Чистая, холодная, клиническая ярость исследователя, который понял, что его всю жизнь использовали как лабораторную мышь.

— Хорошо, — сказала она. — Я в деле. Покажите мне все.

Куратор снова улыбнулся, и на этот раз в его улыбке промелькнуло нечто, похожее на уважение.

— Отлично. Тогда начнем с архивов. Добро пожаловать в «Стеклянный дом», доктор Ковальски. Сегодня вы станете одним из немногих людей, которые знают, как выглядит Земля с той стороны стекла.

Экран погас, и в зале снова воцарился тот самый синий полумрак — цвет протокола, который семьдесят лет предписывал бежать при встрече с неизвестным. Но сейчас бежать было некуда. Стеклянный дом — это планета, и за ее пределы человечество выйти еще не умело. Оставалось только одно: повернуться лицом к тому, что стояло за стеклом, и посмотреть ему в глаза.

Даже если у этих глаз был вертикальный зрачок. Даже если у них не было тела. Даже если в ответ на твой взгляд они начнут кормиться твоим страхом. Потому что, как теперь понимала Майя, другого выхода просто не осталось.

Интерлюдия I. Стенограмма Объединённого командного пункта, Розуэлл, 8 июля 1947 года

Документ из архива проекта «Стеклянный дом», папка № 47-07-08-ROSWELL.

Первоначальный гриф: «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО / MAJIC-12 / EYES ONLY».

Рассекречено: 12 января 2026 года, Этап I, пакет № 4.

Примечание Куратора: «Это первая известная запись вербального контакта с морфотипом Тип-1 (Серые). Обратите внимание на использование инфразвука».

Оператор связи (база Розуэлл): Говорит Башня. Всем постам на частоте четыре-девять-ноль. Повторяю: всем постам. Мы фиксируем обрыв сигнала на радаре. Цель исчезла с экранов в секторе семь-два-один. Предположительно — падение. Подтвердите визуальный контакт.

Пост №3 (восточный периметр, сержант Кэллоуэй): Башня, это Пост Третий. Визуальный контакт подтверждаю. Я вижу свечение. Голубоватое, низко над горизонтом. Не похоже на пожар. Объект... он словно пульсирует, сэр. Свет странный, не как у наших.

Башня: Пост Третий, опишите объект.

Пост №3: Я... я не уверен, что это. Он лежит на склоне холма, примерно в трёх милях к северо-западу от ранчо Брейзела. Форма — диск, но он смят. Как будто его сложили пополам. Размер — примерно с истребитель, но шире. И этот свет, сэр... он синий. Как неон, но живой. И от него у меня мурашки по коже.

Башня (пауза, слышен щелчок переключения частоты): Пост Третий, оставайтесь на месте. Не приближайтесь. Повторяю: не приближаться. Высылаем группу захвата. Конец связи.

— Разрыв в записи, примерно 40 секунд. Согласно пометкам, в это время Башня связывалась с командованием базы ВВС Уокер. —

Башня (возвращается на частоту, голос напряжён): Пост Третий, доложите обстановку. Есть ли движение в районе объекта?

Пост №3 (шёпотом, микрофон задыхается): Башня... сэр, там что-то есть. Оно вылезло. Из обломков. Оно... это не человек, сэр. Не человек. Ростом с ребёнка, но голова огромная. Кожа серая. И оно смотрит. Прямо на меня. Глаза чёрные, как... как дыры в никуда. Я не могу пошевелиться, сэр. У меня ноги не идут.

Башня: Пост Третий, сохраняйте спокойствие. Не стреляйте без приказа. Оно вооружено?

Пост №3: Нет, не вооружено. Но от него идёт... я не знаю, как объяснить. В воздухе дрожит всё. Как перед грозой, но без звука. У меня в ушах звенит. И страх, сэр. Такой страх, какого я никогда не чувствовал. Как будто я кролик перед удавом. Я не могу... (слышен звук падающего предмета — предположительно, ракеты).

Башня: Пост Третий! Сержант Кэллоуэй, ответьте! Пост Третий!

— Пауза, статика. Затем слабый, прерывистый голос. —

Пост №3 (еле слышно): Оно... уходит. Уползает обратно. Я видел его руку. Четыре пальца. Длинные, тонкие, как паучьи лапы. Оно не нападало. Просто смотрело. А потом... повернулось и уползло в тень. Я всё ещё жив. Господи, почему я жив?

Башня: Подтверждаю, Пост Третий. Оставайтесь на позиции. Группа захвата будет через десять минут. Вы видите кого-нибудь ещё?

Пост №3: Нет. Оно было одно. Но там, в обломках... кажется, есть ещё. Не двигаются. Возможно, мёртвые. Я не пойду проверять, сэр. Извините, но я не пойду. Я двадцать лет служу, но такого... (голос срывается на всхлип). Я просто хочу уйти отсюда.

Башня (после паузы, ледяным тоном): Вас понял, сержант. Группа захвата подберёт вас. Никому ни слова о том, что вы видели. Это приказ. Конец связи.

— *Смена частоты. Далее следует разговор Башни с командиром базы, полковником Бланшаром, записанный на внутренний контур.* —

Полковник Бланшар (голос искажён, но узнаваем): Башня, это Бланшар. Что там у вас?

Башня: Сэр, мы подтвердили крушение. Это не наш аппарат. Повторяю: не наш. Пост Третий докладывает о выжившем пилоте. Описание совпадает с донесениями по объектам «Серые» из досье «Мэджестик». Живой, но, похоже, ранен. Ушёл обратно в обломки.

Бланшар: Выживший? Чёрт возьми. Это первый раз, когда мы видим живого. Что с сержантом?

Башня: У него сильнейшая психологическая реакция. Он описывает чувство парализующего страха, которое исходило от объекта. Я предполагаю, сэр, что это может быть оружием. Или средством защиты.

Бланшар: Понял. Немедленно объявить зону карантина радиусом в пять миль. Под предлогом... скажем, упавший метеозонд с секретным оборудованием. Группе захвата — полная биозащита. Огонь на поражение только в крайнем случае. Я хочу, чтобы это существо взяли живым, если возможно. И вызовите сюда майора Хьюза из Вашингтона. Немедленно.

Башня: Сэр, а что делать со свидетелями? Фермер Брейзел уже сообщил шерифу. В городе начнутся разговоры.

Бланшар (жёстко): Брейзела задержать для допроса. Прессу не подпускать. Официальная версия — упавший метеозонд. Господи, только бы эта тварь не вышла к людям. У нас нет протокола для живого контакта.

Башня: Есть, сэр.

— *Конец фрагмента.* —

Дополнение к стенограмме (рукописная записка, подшитая позже):

«8 июля 1947 г., 04:12 по местному. Группа захвата достигла объекта. Обнаружены обломки неизвестного сплава, обладающего свойствами самовосстановления формы. Внутри основного фрагмента найдены три тела. Два — без признаков жизни, анатомия нечеловеческая (см. приложение „А“: вскрытие). Третье тело — живое, но в состоянии, близком к коматозному. При транспортировке живой объект издал низкочастотный импульс, вызвавший временный паралич и неконтролируемую панику у двух бойцов. Характер импульса — инфразвуковой, частота ок. 7 Гц. Предположительно, это не оружие, а средство коммуникации или защитная реакция на стресс.

Существо доставлено в Зону 51 под кодовым именем „Гость“. Начат протокол изоляции. Фермер Брейзел дал подписку о неразглашении. В прессу ушла версия о метеозонде.

От себя добавлю: в глазах этого существа, когда оно на секунду пришло в себя на операционном столе, не было ни злобы, ни мольбы. Только холодное, безошибочное любопытство архивариуса, который нашёл в старом каталоге ошибку. Если они — архивариусы, то мы — книги. И эта книга только что открылась на первой странице.

— *Подпись: майор Эдвин Хьюз, офицер связи проекта „Мэджестик-12“. 10 июля 1947 г.»*

Примечание доктора Ковальски (добавлено 5 апреля 2026 г.):

Когда я слушала эту запись в архиве «Аквариума», меня поразило не описание Серого. Меня поразила частота — 7 Гц. Это резонансная частота человеческого мозга, вызывающая чувство тревоги и паники. Они использовали её не как оружие, а как голос. Они говорят с нами на языке, который мы ощущаем телом, а не ушами. И в 1947 году мы их не услышали. Мы просто испугались.

Но настоящий вопрос, который мучает меня с тех пор: что, если они не напали и не защищались? Что, если этот импульс был не криком о помощи и не угрозой, а простым

вопросом? «Кто вы?» — спросили они на частоте 7 Гц. А мы ответили выстрелами, скальпелями и грифом „Совершенно секретно“. И после этого они перестали спрашивать и начали просто наблюдать.

Конец интерлюдии.

Глава 3. Лаборатория с видом на апокалипсис

Подземный комплекс «Аквариум», 2 апреля 2026 года, 10:15.

Личная лаборатория доктора Ковальски располагалась на четвёртом подземном уровне и носила ничего не говорящий индекс «Лямбда-4». Чтобы попасть туда, Майе пришлось пройти через три контрольно-пропускных пункта, сканер сетчатки, забор капиллярной крови и короткий допрос у бесстрастной голографической системы безопасности, которая, казалось, знала о ней больше, чем она сама. Куратор сопровождал её молча, изредка бросая короткие указания охранникам, и лишь когда последняя дверь — массивная, облицованная свинцовыми листами — отъехала в сторону, он остановился и жестом пригласил её войти первой.

— Ваше рабочее место, доктор Ковальски. Располагайтесь. Через час я пришлю вам первые массивы данных. Если что-то понадобится — используйте терминал на стене, он подключён напрямую ко мне.

— Вы не останетесь? — спросила Майя, переступая порог и оглядывая помещение.

— У меня другие дела. Но я всегда рядом, — ответил Куратор, и его губы тронула та самая асимметричная улыбка, которая не затрагивала глаз. — Помните: то, что вы увидите здесь, может показаться вам жестоким. Но это не жестокость. Это анатомия реальности.

Он ушёл, а Майя осталась стоять в центре лаборатории, медленно поворачиваясь вокруг своей оси и пытаясь осознать масштаб того, что её окружало.

Лямбда-4 оказалась вовсе не камерной комнатой с микроскопом и парой мониторов, как она ожидала. Это был просторный зал площадью не меньше двухсот квадратных метров, разделённый на функциональные зоны стеклянными перегородками с регулируемой прозрачностью. В дальней части зала возвышался массивный хроматографический анализатор последнего поколения, рядом с ним — камера для функциональной магнитно-резонансной томографии, совмещённая с квантовым энцефалографом, устройством, о котором Майя только читала в закрытых научных публикациях. Вдоль стен тянулись стеллажи с биологическими образцами, помещёнными в герметичные контейнеры с маркировкой, которой она не понимала. А в центре, на возвышении, располагался главный терминал — огромный сенсорный стол, способный проецировать трёхмерные модели любой сложности.

Но самое главное находилось прямо напротив входа. Вся северная стена лаборатории представляла собой единый панорамный экран, изогнутый под углом сто шестьдесят градусов. В данный момент он был включён, и на нём, разбитая на множество окон, транслировалась картина мира. Не того мира, который Майя привыкла видеть в новостях — отфильтрованного, причёсанного, смягчённого редакторами, — а мира настоящего. Сырые потоки данных со спутников, камер наружного наблюдения, дронов-разведчиков, сейсмических станций и метеорологических зондов. И всё это в реальном времени.

Майя подошла ближе, не в силах оторвать взгляд от этого чудовищного коллажа.

В верхнем левом углу экрана транслировалась карта глобальных температурных аномалий. Северная Атлантика полыхала красным: Гольфстрим, ослабевший до критической отметки ещё в 2025-м, окончательно рассыпался на отдельные вихри. Европа, лишённая тёплого океанического дыхания, замерзала даже в апреле. В средней полосе России, судя по данным, лежал снег высотой в полметра, хотя календарь показывал весну.

В верхнем правом углу разворачивалась прямая трансляция с побережья Бангладеш. Тайфун «Голиаф» — тот самый, о котором говорили в новостях, — обрушился на дельту Ганга двенадцать часов назад, и теперь вода медленно отступала, оставляя после себя сотни тысяч трупов, которые никто не успевал убирать. Камера дрона бесстрастно скользила над бескрайним морем грязи, обломков и тел, и Майя на мгновение поймала себя на мысли, что это зре-

лице напоминает ей не репортаж, а кадры из фильма-катастрофы. Только вот фильм не заканчивался.

Нижнюю часть экрана занимали более мелкие окна: биржевые сводки (индекс Доу-Джонса упал ниже плинтуса, но это уже никого не волновало), карта военных конфликтов (Африканский альянс продвинулся ещё на двадцать километров вглубь бывшей Италии, контролируя теперь весь бассейн реки По), отчёты о продовольственных бунтах в Сан-Паулу, Мехико и Лос-Анджелесе.

И поверх всего этого, словно бледная акварель, наложенная на фотографию, пульсировала уже знакомая Майе модель глобальной ноосферы — та самая карта коллективного страха, которую Куратор показывал ей в командном центре. Красные зоны — выбросы паники — вспыхивали над Бангладеш, над зоной боевых действий в Италии, над районами бунтов. И почти мгновенно гасли, вытягиваясь тонкими нитями в синие пятна, которые, казалось, дышали.

— Вот чёрт, — прошептала Майя, вглядываясь в эту картину. — Они и правда кормятся.

Её голос прозвучал в пустой лаборатории глухо, без эха, поглощённый звукоизолирующими панелями. Она вдруг осознала, что именно так выглядит апокалипсис, когда смотришь на него не с улицы, не из окна горящего дома, а из-за бронированного стекла секретной лаборатории. Это не грохот взрывов и не крики умирающих. Это тишина. Это холодные цифры на экране. Это графики, которые показывают, как человечество медленно, но верно превращается в кормовую базу для существ, которых никто никогда не видел вживую.

Майя глубоко вздохнула, взяла себя в руки и направилась к главному терминалу. Ей нужно было работать. Именно за этим её сюда пригласили.

Первые несколько часов ушли на знакомство с интерфейсом. Терминал оказался на удивление интуитивным: система, названная «Аргус», понимала голосовые команды, жесты и, кажется, даже направление взгляда. Майя запросила базовые данные по четырём морфотипам и получила доступ к архиву, который заставил бы поседеть любого уфолога-любителя.

Здесь были не только отчёты и стенограммы. Здесь были биологические образцы — фрагменты тканей, образцы крови (или того, что служило кровью у этих существ), спектрограммы, генетические карты. По Серым данным оказалось больше всего: за семьдесят лет наблюдений американские военные собрали внушительную коллекцию артефактов, начиная с обломков розуэлльского диска и заканчивая фрагментом хитинового панциря, найденного в 2004 году на месте крушения в Неваде.

Майя открыла трёхмерную модель морфотипа «Серый» и принялась изучать анатомию существа, которое десятилетиями было главным пугалом жёлтой прессы. Модель вращалась в воздухе над сенсорным столом, и Майя могла рассматривать каждую деталь: гипертрофированная черепная коробка с увеличенными височными долями, отсутствие наружного уха, рудиментарные челюсти, которые, судя по структуре, не предназначались для пережёвывания твёрдой пищи. Пищеварительная система была атрофирована до состояния тонкой трубки, соединяющей ротовое отверстие с резервуаром, который, вероятно, использовался для всасывания питательных веществ в жидкой форме.

— Значит, они не едят, — пробормотала Майя, делая пометки в виртуальном блокноте. — По крайней мере, не так, как мы. Возможно, питательные вещества вводятся внутривенно, либо они получают энергию каким-то иным путём.

Она переключилась на модель мозга. И замерла.

Мозг Серого по объёму превосходил человеческий примерно в полтора раза, но самое интересное заключалось в другом. Лимбическая система — та самая область, которая у людей отвечает за эмоции, — была практически полностью редуцирована. Миндалевидное тело отсутствовало как таковое. Гиппокамп сохранился, но в сильно изменённой форме, словно был переориентирован на обработку не эмоциональных воспоминаний, а чисто информационных

массивов. Зато неокортекс, особенно лобные доли, был развит до такой степени, что плотность нейронных связей в нём в тридцать раз превышала человеческую.

— Они не чувствуют, — произнесла Майя вслух, вспоминая текст пресс-релиза NASA. — Они действительно ничего не чувствуют. Ни страха, ни радости, ни любопытства в нашем понимании. Это... процессоры. Живые компьютеры. Они собирают данные не потому, что им интересно. Им это просто... нужно. Как нам нужно дышать.

Она отодвинула модель и откинулась в кресле, чувствуя, как в голове начинает складываться картина. Серые — это сборщики. Они фиксируют всё: генетический материал, нейронную активность, поведенческие паттерны. Но они не анализируют добытое для себя. Они передают это кому-то ещё. Кому?

Она снова взглянула на панорамный экран, где всё ещё пульсировали синие пятна — Хищники духа. Фантомы. Те, кто не имеет тела и питается страхом.

— Допустим, — сказала она, начиная рассуждать вслух, как привыкла делать в одиночестве, — Серые собирают информацию и биомассу. Рептилоиды охраняют территорию и ресурсы. Нордики наблюдают и не вмешиваются. А Фантомы... Фантомы питаются. Тогда возникает вопрос: кто кому служит? Серые работают на Фантомов, обеспечивая их пищей? Или Фантомы — это побочный продукт деятельности Серых, что-то вроде паразитов, прицепившихся к основному процессу?

Она понимала, что пока у неё недостаточно данных, чтобы ответить на этот вопрос. Но сама постановка проблемы уже была шагом вперёд.

В час дня по внутреннему времени комплекса дверь лаборатории открылась, и вошёл Куратор. Он был одет в тот же серый костюм, что и утром, но теперь на его лице появилось выражение, которое Майя интерпретировала как сдержанное удовлетворение.

— Вы уже освоились, — констатировал он, бросая взгляд на включённые модели и исписанный заметками виртуальный блокнот. — Хорошо. Я принёс вам кое-что интересное.

Он положил на край сенсорного стола небольшой цилиндрический контейнер из тёмного стекла. Майя взяла его в руки и вопросительно подняла бровь.

— Образец нейронной ткани, — пояснил Куратор. — Изъят у морфотипа «Рептилоид» в 1998 году при попытке силового задержания. Задержание провалилось, но образец остался. До сих пор мы не могли его полноценно исследовать: не хватало специалиста, который понимал бы нейробиологию хищников. Теперь такой специалист есть.

Майя осторожно повертела контейнер в пальцах. Внутри, в прозрачной питательной среде, плавал крошечный фрагмент ткани, похожий на срез коры головного мозга, но более плотный и с выраженной слоистой структурой.

— Почему вы не отдали это в обычную лабораторию? — спросила она. — В Пентагоне наверняка есть нейробиологи.

— Потому что это не обычная ткань, — ответил Куратор. — Она излучает. Слабо, на уровне фонового шума, но излучает. Электромагнитные волны низкой частоты, похожие на те, что фиксируют у Серых, но с другой модуляцией. Наши инженеры считают, что это своего рода передатчик. Рептилоиды не просто мимикрируют под людей. Они могут влиять на наше восприятие. Вызывать доверие, страх, подчинение. Мы хотим понять, как это работает.

Майя кивнула, чувствуя, как внутри разгорается тот самый холодный азарт, который она испытывала в лучшие годы своей научной карьеры. Вот оно. Не абстрактные модели и архивные записи, а реальный образец. Кусочек мозга существа, которое, возможно, управляет правительствами.

— Я займусь этим немедленно, — сказала она. — Но мне понадобится доступ к спектрометру и, возможно, квантовому интерферометру.

— У вас есть всё, — Куратор обвёл рукой лабораторию. — И ещё кое-что.

Он подошёл к терминалу и несколькими касаниями вывел на панорамный экран новое окно. На нём отображалась прямая трансляция с подводного дрона, опущенного, судя по координатам, в Марианскую впадину. Глубина одиннадцать тысяч метров. Абсолютная тьма. И в этой тьме — силуэты.

— Это снято сегодня утром, — сказал Куратор. — Обратите внимание на левый нижний квадрант.

Майя пригляделась. Сначала она видела только черноту и редкие блики фосфоресцирующего планктона. Но потом, когда глаза адаптировались, она различила их. Высокие, гуманоидные фигуры, стоящие на краю подводного обрыва. Они не двигались, но явно смотрели на дрон. Их лица — Майе пришлось напрячь зрение до боли в висках — были почти человеческими. Красивыми, симметричными, без возраста.

— Нордики, — прошептала она. — Они всё ещё здесь.

— Да. Они ушли под воду тысячи лет назад, но не вымерли. Их города — если это можно назвать городами — расположены в глубоководных впадинах по всему миру. Мы пытались связаться с ними десятки раз. Они не отвечают. Но иногда, очень редко, они появляются на границе видимости и смотрят. Как будто ждут чего-то.

— Чего?

Куратор пожал плечами.

— Этого мы не знаем. Возможно, они ждут, когда мы перестанем быть кормовой базой. А возможно — когда кормовая база окончательно погибнет, чтобы занять освободившуюся нишу.

Он развернулся и направился к выходу, но у двери задержался.

— Доктор Ковальски, — сказал он, не оборачиваясь, — вы находитесь в уникальном положении. Вы видите мир не таким, каким его показывают массам, а таким, каков он есть. Эта лаборатория — не просто рабочее место. Это наблюдательный пункт. Изучайте, анализируйте, делайте выводы. И помните: у нас очень мало времени. Фантомы голодны как никогда, а Рептилоиды теряют терпение. Если мы не найдём способ отключить страх в ближайшие месяцы, боюсь, ждать нам осталось недолго.

Он ушёл, а Майя осталась одна — в окружении экранов, показывающих агонию мира, с контейнером, в котором плавал фрагмент инопланетного мозга, и с вопросом, на который у неё пока не было ответа.

Она снова взглянула на панорамный экран. Тайфун «Голиаф» уходил в сторону Мьянмы, оставляя за собой сотни километров опустошённого побережья. Красные пятна на ноосферной карте пульсировали в такт ударам волн о берег. И где-то там, в толще воды, на одиннадцати-километровой глубине, стояли прекрасные беловолосые существа и смотрели на всё это.

Чего они ждали? Ответа на этот вопрос Майя пока не знала. Но она твёрдо решила его найти.

Она аккуратно поместила контейнер с образцом в сканирующую камеру, запустила программу анализа и села в кресло, готовясь к долгой ночи. За окнами — виртуальными, но показывающими правду — продолжал полыхать мир. И теперь этот мир был не просто сценой для человеческой трагедии. Он был лабораторией. А Майя Ковальски — наблюдателем, который должен был понять правила эксперимента прежде, чем он закончится.

И, возможно, прежде чем закончатся все подопытные.

Глава 4. Серые кардиналы эволюции

Подземный комплекс «Аквариум», лаборатория «Лямбда-4», 3–7 апреля 2026 года.

Пять дней Майя почти не спала. Кофе-эрзац, который синтезировала кофемашина в углу лаборатории, давно перестал бодрить и превратился просто в горячую жидкость с горьким привкусом, которую она поглощала механически, как топливо. Еда, доставляемая бесшумными дронами через шлюз, оставалась нетронутой. Реальность сузилась до размеров лаборатории, и единственным, что имело значение, были данные, которые «Аргус» выводил на главный экран.

Образец нейронной ткани Рептилоида, переданный Куратором, оказался подлинным кладом информации. Уже на второй день Майя обнаружила то, что сама назвала «эффектом принудительного доверия». Клетки рептилоидного мозга, помещённые в питательную среду и подключённые к сенсорам, продолжали излучать низкочастотные электромагнитные импульсы даже спустя десятилетия после изъятия. Частота импульсов менялась в зависимости от внешних стимулов: когда Майя подносила к контейнеру руку, частота возрастала; когда отходила — снижалась. Ткань реагировала на присутствие человека. Более того, проанализировав свои собственные биометрические показатели за время работы с образцом, Майя с удивлением обнаружила, что её пульс и артериальное давление синхронизировались с ритмом этих импульсов. Ткань как будто пыталась её успокоить, усыпить бдительность, втереться в доверие на биологическом уровне.

— Они не просто маскируются, — прошептала она, глядя на графики. — Они управляют восприятием. Когда человек находится рядом с Рептилоидом, его мозг получает команду «всё в порядке». Поэтому никто никогда не замечает раздвоенного языка под человеческой маской. Мозг просто отказывается это видеть.

Но главное открытие ждало её не в образце Рептилоида, а в генетическом архиве Серых, который она начала изучать параллельно. На четвёртый день, сопоставив расшифрованные последовательности ДНК, извлечённой из останков розуэльского пилота, с человеческим геномом, Майя наткнулась на аномалию, которая заставила её сердце пропустить удар.

В человеческом геноме, в той самой «мусорной» ДНК, которую десятилетиями считали эволюционным балластом, обнаружился участок, почти идентичный последовательности из генома Серого. Почти — но не полностью. Человеческая версия была модифицирована, словно кто-то скопировал исходный код, а затем внёс в него правки, адаптируя под другую архитектуру.

Майя запросила у «Аргуса» анализ этого участка, и система, помедлив, выдала результат, от которого у неё перехватило дыхание. Это был не просто фрагмент генетического кода. Это была инструкция. Последовательность, отвечающая за формирование определённого типа нейронных связей в миндалевидном теле — том самом участке мозга, который отвечает за страх.

— Они встроили в нас страх, — прошептала Майя, вглядываясь в трёхмерную модель ДНК, вращающуюся над терминалом. — Страх — это не просто эволюционный механизм выживания. Это искусственная конструкция. Они вставили её в наш геном тысячи лет назад.

Она откинулась в кресле, чувствуя, как в висках пульсирует кровь. Картина начала складываться, и от этой картины веяло таким холодом, какого она не испытывала с тех пор, как впервые увидела карту ноосферы.

Серые — не просто сборщики биоматериала. Они — генетические инженеры. Архитекторы. Они создали человека не на пустом месте: приматы существовали и до них. Но в какой-то момент, десятки или сотни тысяч лет назад, они вмешались в естественный ход эволюции и вставили в геном наших предков фрагмент, который сделал нас такими, какие мы есть. Мыслящими. Творческими. И — боящимися.

Именно страх стал катализатором развития. Страх перед хищниками породил орудия. Страх перед голодом породил земледелие. Страх перед неизвестностью породил религию. Вся человеческая цивилизация, от первых наскальных рисунков до квантовых компьютеров, была построена на фундаменте страха. И этот фундамент заложили они.

— Мы — ферма, — сказала Майя вслух, и звук её голоса в пустой лаборатории прозвучал как приговор. — Мы — генетически модифицированная культура, выведенная для производства одной-единственной эмоции. Страх — это наш урожай. А Фантомы — это те, кто его пожинает.

Она встала и подошла к панорамному экрану. За окнами виртуального мира продолжали полыхать пожары, отступать наводнения и маршировать армии. Красные пятна на ноосферной карте пульсировали в такт человеческим страданиям. Но теперь Майя видела это не как хаос. Она видела это как технологический процесс. Посев. Удобрение. Сбор урожая.

— Ты поняла, — раздался голос за спиной.

Майя резко обернулась. В дверях стоял Куратор. Он появился бесшумно, как всегда, и теперь смотрел на неё с тем самым выражением, которое она так и не научилась расшифровывать. Удовлетворение? Тревога? Или что-то третье, не имеющее аналогов в человеческой мимике?

— Поняла, — ответила она. — Но не до конца. Если Серые создали нас для производства страха, то почему они не контролируют процесс? Почему человечество до сих пор существует как вид? Мы ведь могли быть просто биореактором. Без сознания, без свободы воли. Зачем им давать нам разум?

Куратор медленно прошёл в центр лаборатории и остановился у главного терминала. На его лице — впервые с момента их знакомства — промелькнуло нечто, похожее на усталость.

— Хороший вопрос, — сказал он. — Ответ на него мы искали семьдесят лет. И, кажется, нашли. Но он тебе не понравится.

Он коснулся сенсорной панели, и на главном экране появилась новая схема. Это была эволюционная спираль, охватывающая последние полмиллиона лет. На ней были отмечены ключевые точки: появление Номо Erectus, неандертальцев, кроманьонцев, возникновение речи, переход к земледелию, первая письменность. И рядом с каждой точкой — отметка, обозначающая вмешательство Серых.

— Мы проанализировали геномы всех известных видов рода Номо, — заговорил Куратор. — И обнаружили ту же самую вставку, что ты только что нашла у современного человека. Но с одним отличием. У неандертальцев она есть. У Номо Erectus — есть. А вот у Australopithecus — уже нет. Вмешательство произошло примерно четыреста тысяч лет назад. Они выбрали одну из ветвей приматов и начали её... совершенствовать.

— Зачем? — повторила Майя.

— Потому что разумное существо боится иначе, — ответил Куратор. — Животное испытывает простой, мгновенный страх. Волк выскочил — антилопа побежала. Это короткий импульс, он не даёт много энергии. Но разумное существо способно бояться того, чего ещё нет. Будущего. Смерти. Неизвестности. Оно создаёт сложные, многослойные страхи — религиозные, политические, экзистенциальные. Оно может бояться годами, десятилетиями, всей своей жизнью. И этот непрерывный, фоновый страх даёт в тысячи раз больше энергии, чем простой испуг.

Он сделал паузу, давая Майе осознать услышанное.

— Мы — элитный сорт, — произнесла она медленно. — Как вино, а не как виноградный сок. Они выводили нас, чтобы мы боялись глубже, тоньше, дольше. Чтобы наш страх был... изысканным.

— Именно так, — подтвердил Куратор. — Поэтому Серые не контролируют нас напрямую. Контроль убивает креативность. А креативность — это способность порождать новые,

всё более сложные страхи. Они лишь направляют. Подталкивают. Иногда — вмешиваются, когда процесс заходит в тупик. Но в целом — наблюдают и собирают урожай.

Он увеличил фрагмент эволюционной спирали, показывающий последние десять тысяч лет.

— Видишь эту точку? Возникновение монотеистических религий. До них страх был локален: боялись соседнего племени, голода, хищника. После — появился страх всевидящего Бога, ада, вечных мук. Это был качественный скачок. Урожайность выросла в десятки раз. А вот здесь, — он указал на XX век, — изобретение ядерного оружия. Впервые в истории человечество научилось бояться полного уничтожения. Не своей смерти — смерти всего вида. Это был новый уровень. И обрати внимание на эту зону.

Он выделил последние двадцать лет. Климатический кризис, пандемии, войны. Вспышки страха на ноосферной карте сливались в сплошное зарево.

— Сейчас мы производим больше страха, чем когда-либо за всю историю, — тихо сказала Майя.

— Да. И это создаёт проблему. Урожай слишком велик. Фантомы объедаются. И когда они объедаются, они начинают... мутировать. Становиться агрессивнее. Проникать глубже в наш слой реальности. Мы зафиксировали увеличение их электромагнитной сигнатуры на четверста процентов за последние пять лет. Если так пойдёт дальше, они перестанут быть просто паразитами. Они станут доминирующей формой жизни на этой планете.

Майя смотрела на экран, и в её голове крутилась одна и та же мысль, которую она боялась озвучить. Но Куратор, казалось, читал её лицо.

— Ты хочешь спросить, можно ли разорвать этот цикл, — сказал он. — Отключить страх. Сделать человечество несъедобным.

— Да, — призналась она.

— Этого мы и хотим, — ответил Куратор. — В этом и состоит проект «Стеклянный дом». Но есть одна загвоздка. Та самая генетическая вставка, которую ты нашла, — это не просто код, вызывающий страх. Это ещё и маяк. Она делает нас видимыми для Фантомов. Если мы попытаемся её удалить, они нас потеряют. И тогда случится то, чего мы боимся больше всего.

— Что именно?

— Мы не знаем. Возможно, ничего. Возможно, они переключатся на другой источник пищи — например, на самих Серых. А возможно, они попытаются уничтожить ферму, которая перестала приносить урожай.

Куратор выпрямился и посмотрел на Майю долгим, тяжёлым взглядом.

— Твоя задача, доктор Ковальски, — понять, как отключить страх, не удаляя маяк. Как сделать нас невидимыми, не разрывая контракта. Потому что если мы его разорвём в одностороннем порядке, последствия могут оказаться страшнее, чем всё, что мы видели до сих пор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.